

СПЕЦИФИКА ПОЛЬСКОГО РОМАНТИЧЕСКОГО МЕССИАНИЗМА XIX ВЕКА

А.А. Травкина

Польский романтический мессианизм XIX века был специфическим феноменом, оказавшим влияние на польскую культуру как XIX века, так и всего последующего периода.

Темой исторического развития идей польского мессианизма занимаются в основном только польские исследователи: Юзеф Уйейский, Анджей Валицкий, Анджей Вежбицкий, Зофья Стефановская, Анджей де Лазари, Мартин Круль, Анджей Новак, Ян Тазбир, Анджей Кенпиньский. Отечественные исследователи занимаются или революционным демократизмом (В.А. Дьяков, С.М. Фалькович), или же польско-русскими связями XX века (В.А. Хореев и др.), уделяя крайне мало внимания культурному феномену польского романтического мессианизма и его влиянию на развитие польской культуры XIX века. Специфику польской идеологии сарматизма и места в ней идей мессианизма исследовала М.В. Лескинен.

Термин „мессианизм” Владимир Соловьев определяет следующим образом: «Мессианизм – вид богословской сферы, хотя в связи с религиозными представлениями, у всех народов игравших важную роль в истории, при возбуждении национального самосознания возникало убеждение в особом преимуществе данного народа, как избранного носителя и совершителя исторических судеб человечества <...>. Это учение предполагает понятие истории как целесообразного процесса, осуществляющего некоторую общую задачу, в исполнении которой должен первенствовать данный народ»¹.

В своем классическом выражении мессианизм связан с миллениаризмом (хилиазмом), построением Царства Божия на земле. В каждом случае мессианизм предполагает ожидание большой перемены в земной жизни, более того, избавление не в потустороннем мире, а поюстороннем, не вне истории, а в истории. Польский романтический мессианизм не исключение: он также характеризуется профетическими ожиданиями и хилиазмом.

Польский мессианизм XIX в. принято связывать с романтическим мессианизмом, развитие которого было спровоцировано разделами Польши (в особенности, так называемым «четвертым разделом», 1815 г.). Польский мессианизм не был апологетикой первых веков христианства, это была новая польская апологетика, основанная на сопоставлении исторических событий Ветхого и Нового Заветов с исторической судьбой Польши и польского народа.

Правильнее всего было бы связывать мессианизм именно с идеологией, основанной на роли избранных личностей или обществ, наделенных как культурно-политической миссией, так и сотериологической: мессианизм такого вида возникает в эпоху романтизма, приобретая при этом часто мистическую окраску.

Польский романтический мессианизм наиболее полно нашел свое теоретическое обоснование в эмигрантской среде. «Борцы за свободу», вынужден-

ные покинуть Польшу, продолжали борьбу за угнетенную Родину на чужой земле, полные надежды, несокрушимой веры в значимость своих действий и приближающееся возрождение человечества посредством всеобщего освобождения народов и всеобщего братства.

Можно сказать, что идеи мессианизма, свойственные тем или иным обществам, близки к уставам рыцарско-монашеских орденов. Отсюда, на наш взгляд, выраженная аристократичность эпохи романтического мессианизма, тонченность идей, осознание исключительной роли эмигрантов в борьбе за освобождение и воскресение Польши.

Наиболее крупными идеологами мессианизма были известные поэты-романтики (Адам Мицкевич, Зигмунт Красиньский, Юлиуш Словацкий), а также выдающиеся польские философы (Анджей Товяньский, Юзеф Хёне-Вроньский).

Польский романтический мессианизм можно бы было охарактеризовать в общих чертах следующим образом: все философы, поэты-романтики верят в приход Мессии, который спасет страдающий народ от зла. Таким Избавителем (Мессией) может быть как харизматическая личность (так называемый индивидуальный мессианизм), так и определенная группа людей (секта, этно-религиозная группа).

Основной формулой польского романтического мессианизма является преобразование жизни посредством определенных переломных исторических событий: революции, «освободительных» войн Наполеона, перехода к конституционной монархии, инициированных харизматическими личностями. Юзеф Уйейский, один из ведущих исследователей польского мессианизма, в «Истории польского мессианизма до ноябрьского восстания»² связывает развитие мессианских идей с барочным сарматизмом, согласно которому польский народ стал «избранным» народом. Другие исследователи, как, например, Анджей Валицкий, связывают появление польского мессианизма с наступлением эпохи романтизма.

Традиционное и укорененное сарматское сознание, стало основой для мессианских концепций и противопоставления Польши «целому Востоку и целому Северу, против неприятелей Креста и Всеобщей Церкви»³.

Однако сознательная апелляция польских романтиков к классическим миллениаристским текстам не дает права утверждать, что польский мессианизм развивался исключительно под воздействием хилиазма. Польский мессианизм следовало бы рассматривать как феномен, выходящий за религиозные рамки, охватывавший при этом все поле культуры.

«Идея возрождения (миллениаристская идея «нового неба и новой земли» в романтическом контексте), очевидно, нигде, кроме как в Польше, не пустила таких глубоких корней»⁴. Для польского романтизма была характерна ностальгия по великому прошлому Польши, отрицание современного состояния, а также надежды, связанные с будущим мессианским воскресением Польши. Польский мессианизм стал связующей нитью между прошлым и будущим, не прерывающейся, на наш взгляд, и сегодня.

Теоретическое обоснование мессианизма было положено такими выдающимися польскими философами, как Юзеф Хёне-Вроньский (1776–1853) и Анджей Товяньский (1799–1878).

Хёне-Вроньский первым использует термин «мессианизм», не конкретизируя при этом сакральную роль польского народа. Мессианизм, в первую очередь, характеризуется целями бытия отдельно взятой личности, согласованными с бытием всеобщим. Каждый человек, по его мнению, являясь земным творением, наделенным разумом, реализует конечную цель своего бытия и осуществляет задачу творения земного мира.

Философскую концепцию Хёне-Вроньского кратко можно выразить следующим образом: в основе мессианизма, или абсолютной философии, лежит философия практическая, определяющая моральные права человека как Божия творения; мессианские права человека определяются им самим, они направлены на «дополнение Божия творения ... и предназначены для установления и достижения абсолютных целей существ разумных, тех возвышенных целей, которые только человек, как новый творец, может для себя самого установить и обязательно достичь, чтобы установить *абсолютное добро* на земле»⁵.

Как мы видим, у Хёне-Вроньского каждый человек, как творение Божие, имеет право выбора и постановки тех целей, которые ведут к абсолютному добру. Моральность каждому дана *argiori*, а вот «*mesjaniczność*» уже приобретает статус сотворенного человеком. Человек реализует свое право творения, данное ему от Бога, руководствуясь при этом моральными правилами.

Уникальным направлением польской философской мысли явилось творчество Анджея Товяньского, положившего начало философской концепции «товянизма», апологетами которой на разных этапах своего творческого пути являлись Юлиуш Словацкий, Адам Мицкевич, Зигмунт Красиньский, Станислав Гошчиньский. В марксистской литературе, как польской, так и советской, Товяньский рисовался исключительно в черных тонах как «реакционный мракобес» и сектант.

Анджей Товяньский вступил в конфликт с Католической Церковью, провозгласив себя новым пророком. На своих слушателей он оказывал магнетическое воздействие, поражал всех своей эрудицией, логикой построения речи, харизмой пророка. О Товяньском отзывались как об идеале, примере для подражания, «живом праве» и «живущей правде»⁶.

Главная философская работа Товяньского – «*Wielki Period*» («*Великий период*»). Ее основную идею можно сформулировать следующим образом: только такие две сакральные категории, свойственные всему польскому мессианизму и польской культуре, как любовь и жертвенность, могут обеспечить существование Царства Божия на земле.

Можно сказать, что Товяньский определяющие позиции в построении Царства Небесного отдавал личности и ее духу, уподобляя его костру. Причем необходимым условием для человека было очищение духа, по мере совершенствования которого он поднимался на более высокие ступени, определенные свыше. Данный иерархизм духов получил свое развитие в мистическом

творчестве Юлиуша Словацкого и был аллегорически интерпретирован в «Заре» (*Przedświt*) Зигмунта Красиньского.

Товянизм, как философское направление, оказал большое воздействие на творчество Мицкевича, мессианскую идею которого мы и рассмотрим. Адам Мицкевич был одним из самых известных последователей и «соратников» Анджея Товяньского до их столкновения из-за различных взглядов на революцию 1848 года⁷. Несмотря на разрыв с Товяньским, товянизм, как философское направление, оказал большое воздействие на творчество Адама Мицкевича.

Мессианские идеи Мицкевича выражены, в основном, в его «Книгах польского народа и пилигримства», а также в третьей и четвертой части курса истории славянской литературы и его политической публицистике. К сожалению, отечественные исследователи уделяют мало внимания этим, наиболее значимым, сочинениям великого польского поэта.

Прежде всего, Адам Мицкевич развивал идею индивидуального мессианизма, что дает исследователям право назвать ее профетизмом (Зофья Стефановска, Виктор Вайнтрауб): муки Христа в «Книгах польского народа» ассоциировались с историческим развитием Польши, а страдания польского народа стали своеобразной жертвой Христа. Тело Польши, пребывающее во гробе, должно воскреснуть, подобно Христу.

Профетизм в философии Мицкевича выражается через *личный (харизматический) мессианизм*, основанный на главном догмате мессианизма, который заключается в следующем: «Наиболее развитый дух должен по природе вещей вести духи, находящиеся на низших ступенях. В этом заключается главный догмат мессианизма»⁸.

Отечественные исследователи незаслуженно пропускают такой важный этап творчества Мицкевича, как лекции по славянской литературе, прочитанные в Париже (1840–1842). В данных лекциях мы найдем выражение уже зрелого мессианизма Мицкевича⁹.

В первых двух частях курса лекций Мицкевич еще не отходит от исторического традиционализма, но уже в третьей части появляется критика конституции 3 мая и указание на то, что Долгий Сейм был «сеймом, отщепившимся от отечественной истории»¹⁰.

В четвертой части курса идея мессианизма приобретает свое кульминационное выражение – развитие теперь напрямую связывается с творением духа: «Развитие есть не что иное, как развитие нашего внутреннего естества, его поход к Богу»¹¹.

Таким образом, ход истории у Мицкевича приобретает, в отличие от консервативного романтизма, иррациональный характер: появляется понятие «высшего духа», участвующего и в революциях, и в важных исторических событиях. Этот дух появляется согласно Божественному Провидению, подчас кардинально меняя установленный порядок вещей и рациональный ход событий. Пророки прошлого предвосхищали появление будущих пророков. Вспомним, что когда Наполеон был в зените могущества, многие поляки принимали его за избавителя.

Объявителем может стать только тот, кто претерпит мучения и понесет жертвы. Наряду со всеобщим Объявлением (первоначально – в Слове, после – в Иисусе Христе, «третий взрыв христианства» метафорически описан в Апокалипсисе и будет связан с Христом Воскресшим) существует и частичное Объявление, в рамках Объявления народного: «Каждая народность основана на собственном объявлении. Каждая из наций (*wielkich narodowosci*) была основана одним человеком, возникла из одной мысли и жила только для реализации этой мысли»¹².

Среди всех славянских народов больше всего страдал, по мнению поэта, конечно же, именно польский¹³. Поиски величия Польши были обращены в прошлое: в государственном устройстве средневековой Польши король, при условии легитимных выборов, рассматривался как вдохновленный Святым Духом. Это была идеальная модель, которая, опять же под негативным влиянием западного рационализма, начинает видоизменяться, и королевская власть подвергается десакрализации. Все же главная причина упадка Польши, по мнению Мицкевича, крылась в недостатке харизматических личностей (вдохновленных развитым духом), способных объединить вокруг себя народ и повести его за собой.

Причину кризиса европейских государств он видел в господстве рационализма и в отказе от Святого Духа. В такой критике западной цивилизации он был близок к русским славянофилам. Но в то же время он считал, что «мессианизм польский не может остаться за бортом европейского движения, не может быть независимым от Франции. <...> вся мощь находится во Франции и нигде больше, как во Франции»¹⁴. Так Мицкевич пытался соединить специфически польское и западноевропейское, показать, что Польша тоже часть Европы.

Польскому народу принадлежит особая роль в историческом процессе: «У нас есть право утверждать, что народ, который более всего пострадал, народ, наиболее притесняемый силами, опирающимися на прошлое, народ польский приготовлен к принятию великих и важных объявлений». Следовательно, «третий взрыв христианства» произойдет именно в Польше!

Одной из главных составляющих польского мессианизма является традиция: «Польша должна стремиться только к живущей в ее лоне традиции, только к своему духу»¹⁵.

Наряду с обоснованием польского мессианизма в «Парижских лекциях», Адам Мицкевич говорит и об исключительной мессианской роли славян, в особенности польского народа. Интересно то, что автор восхищается харизмой русских царей, которой так не хватало польским правителям. В будущем славянам уготована основополагающая роль в ходе исторического прогресса. «Не настал еще час рассказать все о Славянах. Важнейшие тайны народа прячет провидение до решающего жизненного момента и нельзя делать из них предмета всеобщего внимания»¹⁶.

Итак, Адам Мицкевич был не только гениальным польским поэтом, но и «олицетворением» польского мессианизма. На основе его творчества можно проследить развитие мессианской идеи под влиянием других философов (Сен-Симона, Анджеев Тoviaньского) от мессианизма жертвенного, предполагающего

муки, очищение кровью до индивидуального, а впоследствии и коллективного всеславянского предназначения.

Все же для более полного понимания польского мессианизма следует также остановиться на деятельности такого крупного поэта-мессианиста, как Зигмунт Красиньский (1812–1859).

Общественный деятель, поэт, философ, автор знаменитой «Небожественной комедии» Зигмунт Красиньский добавил в мессианизм «аристократическую изюминку».

Поэма «Заря» (1843) стала поэтическим выражением его мессианских идей, а философским – трактат «О положении Польши с точки зрения Бога и людей» (*O stanowisku Polski z Bożych I ludzkich względów*). В трактате «О Троице во времени и пространстве» Красиньский от теологии переходит к размышлениям о сакральном предназначении Польши: Иисус Христос был воплощением идеи неприкосновенности и бессмертия личности, Польша же является прототипом целостности и несмертности народа (сообщества духов, созданного на протяжении исторического развития и не подлежащего уничтожению).

Мученичество Христа в восприятии духов индивидуальных аналогично мученичеству Польши – таким образом, Польша уподобляется Христу. Смерть Христа приравнивается к смерти Польши, а Божье Воскресение – к грядущему возрождению Польши. Интересно отметить то, что Воскресение Христово дало каждому, как эманации индивидуального духа, жизнь вечную, и Польша даст народам (напомним, что народ – это сообщество индивидуальных духов, проявляющееся в коллективном духе) свободу, а также эмпирическую возможность создания Царства Божия на земле. Именно Польше предоставляется сакральная миссия – послужить интенцией для других народов в создании Царства Божия на земле.

В третьей части трактата «Положение Польши среди славянских народов» Красиньский выдвинул мысль о том, что роль Мессии, уготованная Польше, была обусловлена ее прошлым. Здесь мы видим определенное влияние «Книг польского народа и пилигримства» Адама Мицкевича. Так, например, в интерпретации Мицкевича Люблинская уния (1469) легла в основание будущей Вселенской Церкви. «Так это связывание и брак Литвы с Польшей есть фигура будущего соединения всех народов христианских, во имя Веры и Свободы»¹⁷. Отметим, что между исследователями до сих пор идет спор о том, была ли Люблинская уния попыткой создания новой Римской империи и «третьего Рима»¹⁸.

В мессианской идее Красиньского теория прогресса проникнута милленаристическим катастрофизмом, предполагающим власть Антихриста перед пришествием Христа.

Обратимся к поэме «Заря». Сам автор считал, что она раскрывает тайны и объясняет мистицизм Тoviaнского, а один из друзей поэта добавил, что большое влияние на идеи, представленные в «Заре», оказало чтение парижских лекций Мицкевича.

Вот некоторые выдержки из этой поэмы (в подстрочном переводе автора статьи):

Во гробе мы уже побывали,
Наше право – Воскресение.
 Сегодня или завтра, даруешь его, Господи.
 О! Дашь по справедливости своей¹⁹.

<...>

Дух мой крикнет: «О, Отцы!
 Будьте милостивы ко мне;
 Кто мне в этом мире скажет
 Правду Святую, если не вы!
 Пусть же Польша ваша знает,
 Что духи ваши ее оберегают»²⁰.

<...>

Над лбом ее [т.е. Польши. – А.Т.] корона в крови,
 Венец пурпурный воспоминаний;
 Но прошла уже вся боль,
 И Дух Божий на ее челе -
 И вокруг мир уж новый!²¹

«Корона в крови» – мучения, жертва, страдания. «И вокруг мир уж новый» – общераспространенная среди польских романтиков идея о становлении нового порядка, связанного с пришествием Святого Духа.

Глас, что призывает в вечном Небе:
 «Как им Сына дал когда-то,
 Так им, Польша! Даю Тебя!
 Сын мой один был – и пребудет,
 Но мысль его живет в тебе;
 Будь же ясной правдой, как Он, везде;
 Я делаю тебя моей дочерью!
 И нарекаю тебя: *Всечеловечество!*²²»

Собственно, даже «расшифрованная», по мнению Красиньского, мистическая концепция Товяньского современному читателю не сразу понятна без знания господствовавшей тогда идеи о воскресении Польши, о ее Божьем назначении сохранять веру и свободу в мире «язычников, варваров, схизматиков и идолопоклонников», под которыми понимались представители западноевропейской и русской культур.

Сам Красиньский был убежденным контрреволюционером, поэтому так критически отнесся к людям, поддерживающим революционные идеи, он не верил в быстрое наступление Царства Божия на земле. Творчество Зигмунта Красиньского – это «квинтэссенция» мессианизма польских поэтов-романтиков и религиозных философов.

Одним из соратников Зигмунта Красиньского был выдающийся польский философ Аугуст Чешковский (1814–1894). Он внес значительный вклад в развитие польской и общемировой философии. Его книги выходили во Фран-

ции, а «Пролегомены к историсофии», написанные еще в студенческий годы, читали деятели русской культуры, такие, как Станкевич, Грановский, Огарев, Бакунин, Герцен.

«Отче наш» – самая значимая работа, начатая философом в 1830-е годы, но так и незаконченная. Прижизненно был издан только первый том (1848). Известно, что Мицкевич был знаком с идеями, представленными в первом томе. Сочинение Чешковского было авторской интерпретацией молитвы «Отче наш» как пророчества, которое должно исполниться в третью, послехристианскую эпоху, эпоху Святого Духа.

Славяне для Чешковского были не избранным народом, а, скорее, народом пассионарным. Мессианизм Чешковского был общечеловеческим и безличностным, философ проповедовал научный прогресс и общечеловеческое развитие.

Чешковский занимался не только философией, но и политикой. К примеру, именно он в 1848 году на съезде польских политиков предложил создать Лигу Польскую, на легальных основаниях защищавшую права поляков на территориях Польши, находящихся в составе Пруссии. В 1870 году он основал на собственные деньги Высшую школу управления в Жабликове под Познанью. Политическая деятельность отнимала много времени у Чешковского. Последние 20 лет он посвятил философии, религии и науке. Рукопись «Отче наш» редактировал и дополнял до конца жизни. Мессианизм Чешковского не отличается экзальтированностью Товьянского и харизматичностью Мицкевича, он отвергает революцию, но доступен для каждого, потому что дает возможность совершенствоваться без посредничества «высших духов».

Таковы наиболее значимые мессианские идеи польского романтического мессианизма. Мы попытались выявить универсалии, свойственные польскому мессианизму, поэтому не углублялись в детальное рассмотрение творчества философов и поэтов-мессианистов.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы. Основным феноменом польской общественно-политической мысли XIX в. является мессианизм, получивший свое теоретическое определение и развитие в период польского романтизма; мессианизм основан, в первую очередь, на традиционализме, отождествлявшемся с сохранением чистоты католицизма; историческое развитие Польши сравнивается с Ветхозаветными и евангельскими событиями. Так, Воскресение Христово уподобляется предстоящему Воскресению Польши, пребывающей во гробе, – именно эта вера в воскресение стала основополагающей для польского мессианизма. Страсти Христовы ассоциируются со страданиями Польши.

Мы рассмотрели основные аспекты польского романтического мессианизма, не отделимого от таких понятий, как романтизм, национально-освободительное движение, революционность. Представителям каждого из этих движений были близки, так или иначе, идеи мессианизма.

Понятия «романтизм», «национально-освободительное движение», «революционность» целесообразно рассматривать в целостности – в рамках борь-

бы за освобождение угнетенной Польши. «За нашу и вашу свободу!» – таков был лозунг революционеров. За выстраданную кровью свободу, за свободу, к которой нет другого пути, кроме как жертвенного. Так жертвенность мессианизма, борьба за свободу и грядущее благосостояние Родины, сохранение в чистоте католической веры – общие мессианские черты, свойственные трем выше названным понятиям. В каждом из них присутствуют выраженные по своему черты мессианизма, требующие более детального рассмотрения.

¹ Энциклопедическое издание. Брокгауз и Ефрон. Т. XIX. СПб., 1896. С. 150.

² *Ujejski Józef. Dzieje polskiego mesjanizmu do powstania listopadowego.* Lwów, 1931.

³ *Mickiewicz A. Dzieła.* Т. VII. S. 36–37.

⁴ *Łempicki Z. Renesans, Oświecenie, Romantyzm // Łempicki Z. Wybór pism.* Т. 1. Warszawa, 1966. S. 181.

⁵ *Józef Hoene-Wroński. Przedmiot I zadania mesjanizmu // 700 lat myśli polskiej. Filozofja I myśl społeczna w latach 1831–1864.* b.m., b.r. S. 155.

⁶ Цит. по кн.: *700 lat myśli polskiej. Filozofja I myśl społeczna w latach 1831–1864.* S. 529.

⁷ Анджей Товяньский был крайне против революционных действий, в частности, применения силы. Он считал, что изменение мира к лучшему должно руководствоваться развитостью человеческого духа.

⁸ *Mickiewicz A. Kardynalne punkty mesjanizmu. // 700 lat myśli polskiej...* Указ. соч. S. 550

⁹ Цит. по кн.: *Filozofia a mesjanizm. Studia z dziejow I myśli społeczno-religijnej romantyzmu polskiego.* Warszawa, 1970. – 317 s. Книга посвящена компаративистскому анализу мессианизма Мицкевича (на основе Парижских лекций) Чешковского, Трентовского, Либельта и русских славянофилов.

¹⁰ *Mickiewicz A. Dzieła.* Т. X. S. 219.

¹¹ *Mickiewicz A. Dzieła.* Т. XI. S. 468.

¹² *700 lat myśli polskiej.* Указ. соч. S. 554.

¹³ Интересно, что Мицкевич объяснял этимологию «славяне» от Слова, которое будет явлено им в будущем. Так, в польском языке *Słowianie – Słowo.* У Мицкевича славяне – «ждущие Слова».

¹⁴ *Mickiewicz A. Dzieła.* Т. XI. S. 422–423.

¹⁵ *Mickiewicz A. Dzieła.* Т. XI. S. 90.

¹⁶ *Mickiewicz A. Dzieła.* Т. XI. S. 328.

¹⁷ *Księgi narodu I pielgrzymstwa polskiego // Mickiewicz A. Pisma proza.* cz. 2. Warszawa, 1955. S. 15.

¹⁸ К исследователям, затрагивающим этот вопрос, относится, к примеру, известный польский ученый Анджей де Лазари.

¹⁹ *Przedświt.* Edycya piąta. Paryż. W księgarni polskiej. Rue de Seine, 20. 1862. S. 35.

²⁰ *Ib.,* S. 44.

²¹ *Ib.,* S. 61.

²² *Ib.,* S. 64.